

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-48-59>

Диспозитивный метод гражданско-правового регулирования как основа эффективного экономического развития

И. А. Маньковский

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», Минский филиал,
220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, 40.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Dispositive Method of Civil Legal Regulation as a Basis of Effective Economic Development

I. A. Mankovsky

PhD, Assistant Professor, Deputy Director of the Minsk branch
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, Minsk Branch,
40 Radial st, 220070, Minsk, Republic of Belarus.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Аннотация

Автором исследована совокупность приемов и правовых средств, составляющих содержание метода гражданско-правового регулирования Республики Беларусь, выявлены правовые нормы, составляющие основу гражданско-правового метода, проведен сравнительный анализ их содержания с аналогичными нормами гражданских кодексов постсоветских государств, вступивших в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). На основе критического анализа точек зрения о применяемом гражданско-правовом методе сделан вывод, во-первых, о юридической бесплодности утверждений о применении в гражданском праве императивно-диспозитивного метода и, во-вторых, о том, что применяемый гражданско-правовой метод характеризуется нормативно ограниченной диспозитивностью правового положения субъектов. Проведен сравнительный анализ принципов гражданско-правового регулирования как основы метода правового регулирования с аналогичными статьями ГК государств – участников ЕАЭС; сделан вывод о том, что принципы гражданского права, закрепленные в ГК Республики Беларусь, устанавливают приоритет публичных интересов над частными, что противоречит сути гражданско-правового регулирования, которое должно применяться в государствах с развитой демократией. Установлен тот факт, что в гражданских кодексах государств, входящих в ЕАЭС, отсутствует принцип диспозитивности в его классическом понимании, а нормативно ограниченная диспозитивность как черта гражданско-правового метода наряду с системой принципов поддерживается определенной совокупностью правовых норм и закрепленной в ГК презумпцией их императивности. Проведен анализ российского и казахстанского опыта преодоления презумпции императивности гражданско-правовых норм, а также норм, поддерживающих нормативно ограниченную диспозитивность в сравнении с аналогичными нормами ГК государств – участников ЕАЭС. На основании проведенного анализа предложены пути модернизации применяемого метода, преодоления презумпции императивности норм ГК, а также придание методу качеств диспозитивного метода демократического государства, а также разработка Гражданского кодекса ЕАЭС. В процессе анализа применялись такие общенаучные и частнонаучные методы познания, как диалектический, исторический, системного анализа, юридической компаративистики, формально-юридический.

Ключевые слова: единое экономическое пространство, система гражданского права, метод гражданского права, ограниченная диспозитивность правового положения, дихотомия норм гражданского права, Гражданский кодекс Евразийского экономического союза, единое экономическое пространство.

Abstract

The author investigated the set of legal techniques and legal measures that form the civil law method of legal regulation of the Republic of Belarus, he identified legal norms that form the basis of the civil law regulation

method, carried out a comparative analysis of their content with similar norms of the Civil codes of post-Soviet states, members of the Eurasian Economic Union (hereinafter – the EAEU). On the basis of a critical analysis of the opinions to the applied civil law method, he concluded, firstly, the legal uselessness of statements of the imperative-dispositive method in civil law and, secondly, that the said method is characterized by normatively limited dispositiveness of the legal status of persons. The author has carried out the comparative analysis of the principles of civil law, as the basis of the method of legal regulation, with similar articles of the Civil Code of the EAEU – member states; it was concluded that the principles of civil law enshrined in the Civil Code of the Republic of Belarus establish the priority of public interests over private one's, that this fact contradicts the essence of civil law regulation, which should be applied in states with developed democracies. It is established that the civil codes of the EAEU-states, do not contain the principle of dispositiveness in its classical sense, and normatively limited dispositiveness, as a feature of the civil law method, along with the system of principles is supported by a certain set of legal norms and the presumption of their imperative character. The analysis of the Russian and Kazakhstani experience of denial of imperative character of civil law provisions, as well as the norms supporting the normatively limited dispositiveness in comparison with the similar norms of the Civil Code of the EAEU member states. On the basis of analysis, the author proposes the ways of modernizing the applied method, overcoming the presumption of the imperative character of the Civil Code, endowing him the quality of a dispositive method of a democratic state and developing the EAEU Civil Code. In the process of analysis, general and specific science methods of cognition as dialectical, historical, systemic analysis, legal comparative studies, formal legal method were used.

Keywords: common economic space, civil law system, method of civil law, limited discretion of legal status, dichotomy of civil law norms, Civil Code of the Eurasian Economic Union, common economic space.

Мировое сообщество на современном этапе развития можно охарактеризовать как интенсивно развивающееся в различных сферах, в том числе в сфере экономики и информационных технологий. Следует констатировать тот факт, что обе эти, безусловно, жизненно важные сферы общественного взаимодействия взаимообусловлены – экономика приобретает статус цифровой, чем дает толчок интенсивному развитию информационных технологий. В частности, 23 марта 2016 г. в Республике Беларусь и 28 июля 2017 г. в Российской Федерации правительствами двух государств были утверждены программы развития цифровых экономик. Вместе с информационными технологиями на основе заключенных международных договоров интенсивно развивается региональная экономическая интеграция постсоветских государств, в частности, в рамках ЕАЭС. Однако следует отметить, что экономическая интеграция, признаваемая эффективной, невозможна вне рамок опосредующей ее правовой основы, на необходимость совершенствования которой, разработки новых идей и конкретизации права в цифровую эпоху указывает О. А. Степанов [21. – С. 4]. Так, правовой основой экономического развития демократических государств, начиная с периода Великой Французской революции 1792 г., является гражданское право [12. – С. 40–43], качество системы которого приобретает особое значение в условиях международного экономического сотрудничества в рамках

ЕАЭС и развития цифровых технологий в экономике [8. – С. 33–37].

Таким образом, непосредственно гражданское право, обоснованность, логичность и доступность для восприятия включенных в него норм влияют на степень экономической свободы субъектов предпринимательской деятельности, предоставленной им государствами, входящими в ЕАЭС, а степень предоставленной субъектам экономической свободы влияет на их деловую инициативу и предпринимательскую активность и в итоге – на степень эффективности предпринимательской (хозяйственной) деятельности, осуществляемой как на территории каждого отдельного государства, так и на территории ЕАЭС [9. – С. 111–118]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что система гражданского права государств – участников ЕАЭС, совокупность входящих в ее состав правовых норм, должны отвечать требованиям экономического развития как каждого отдельного государства – участника ЕАЭС, так и экономическому развитию единого экономического пространства в целом.

Достижению приведенных выше целей гражданско-правового регулирования, по нашему мнению, в максимальной степени будет способствовать разработка единой системы гражданского права и, соответственно, единого Гражданского кодекса ЕАЭС, что следует признать наиболее оптимальным путем для созданных единых правил осуществления хозяйственной

(экономической) деятельности на территории единого экономического пространства.

Применительно к существующим условиям осуществления хозяйственной деятельности следует отметить, что в государствах, входящих в состав ЕАЭС, действуют свои национальные системы гражданского права, которые в некоторой степени отличаются друг от друга, что, по нашему мнению, может служить препятствием для повышения эффективности экономического сотрудничества в рамках единого экономического пространства. Так, в Беларуси действует Гражданский кодекс от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК Беларуси), в Республике Казахстан – от 27 декабря 1994 г. (далее – ГК Казахстана), в Российской Федерации – от 21 октября 1994 г. (далее – ГК РФ), в Республике Армении – от 28 июля 1998 г. (далее – ГК Армении), в Киргизской Республике – от 8 мая 1996 г. (далее – ГК Киргизии).

Таким образом, ГК Беларуси принят на четыре года позже, чем ГК РФ и ГК Казахстана, действует на государственной территории более двадцати лет. При этом в указанный период в ГК Беларуси 67 раз (с 14 июля 2000 г. по 29 июня 2020 г.) вносились изменения и дополнения, что вместе с тем кардинально не повлияло на действующую систему гражданского права белорусского государства. По сути, процесс точечного внесения изменений в ГК Беларуси, который продолжается и в настоящее время, можно признать перманентным, что указывает на некоторую недоработанность системы гражданского права к моменту принятия ГК.

Не остались без изменения и ГК других государств – участников ЕАЭС, совершенствовавшиеся по мере развития экономики на каждой из государственных территорий. Так, в ГК Армении изменения вносились 98 раз (по состоянию на 3 марта 2018 г.), в ГК Киргизии – 60 раз (по состоянию на 16 декабря 2016 г.).

Наиболее значимые изменения были внесены в ГК РФ, что произошло в процессе реформирования системы гражданского законодательства, начало которого было положено Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [2. – С. 5].

Действующая редакция ГК Беларуси, в первую очередь его общая часть, существенно отличается от более прогрессивного ГК РФ, в некоторой степени отличается от Гражданских кодексов других государств – участников ЕАЭС, что в со-

вокупности может служить препятствием для эффективного экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС, повлиять на развитие благоприятного инвестиционного климата как непосредственно в Республике Беларусь, так и в рамках ЕАЭС.

Как на основную проблему ГК Беларуси, требующую решения, следует указать на применяемый в процессе гражданско-правового регулирования метод гражданского права, который наряду с предметом гражданско-правового регулирования выступает в качестве одного из признаков отраслевой принадлежности совокупности гражданско-правовых норм, что подтверждается исследованиями, выполненными учеными – теоретиками¹ [20. – С. 19–21]. В соответствии с общетеоретическими исследованиями существуют два самостоятельных метода правового регулирования: диспозитивный и императивный² [18. – С. 86–87].

Цивилисты высказывают точку зрения, согласно которой, в системе гражданского права применяются два метода правового регулирования одновременно или, что является аналогичным – диспозитивно-императивный метод [3. – С. 21–40].

Учеными, что отражено в юридической литературе, применение в одном нормативном массиве двух методов правового регулирования рассматривается в качестве признака комплексной отрасли права. Однако указанный подход неприменим в отношении гражданского права, которое выступает в качестве классического примера основной отрасли частного права. Одновременно другие ученые в принципе отрицают саму возможность существования комплексных отраслей права [5. – С. 23–27], с чем следует согласиться.

Утверждение о возможности применения диспозитивно-императивного метода правового регулирования в соответствии с обоснованной точкой зрения С. П. Маврина является бесполезным и с точки зрения теории юридической науки, и с точки зрения юридической практики, которые не позволяют определить место совокупности правовых норм, составляющих самостоятельную отрасль права в системе права, что обусловлено смешением при таком подходе частноправовых и публично-правовых приемов правового регулирования.

¹ См.: Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. – М. : Норма : Инфра-М, 2001.

² См.: Поляков А. В. Общая теория права : учебник. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2001.

ния, и в силу этого не может служить критерием отграничения предмета одной отрасли права от смежных общественных отношений, урегулированных другими отраслями права [7. – С. 207–208]. Так, применение в рамках права одной отрасли двух юридически, содержательно противоположенных методов – императивного и диспозитивного, является синкретичным и, следовательно, недопустимым.

Приведенное утверждение обусловлено тем, что каждый из двух указанных методов правового регулирования наделен присущим ему набором правовых средств, с помощью которых государство воздействует на участников общественных отношений, и выражен своей, противоположенной другому методу, юридической формулой:

- императивный метод – «запрещено все, что прямо не разрешено правовыми нормами»;
- диспозитивный метод – «разрешено все, что прямо не запрещено правовыми нормами».

Бесспорным следует признать тот факт, что каждый из названных методов правового регулирования, в соответствии с содержанием приведенных формул, устанавливает присущее только ему правовое положение субъектов отрасли права, допуская или запрещая их собственное усмотрение в процессе участия в соответствующих правоотношениях.

Непосредственно такой подход – допущение возможности или полный запрет на собственное усмотрение субъектов – положен в основу деления системы права на отрасли частного и публичного права.

Следовательно, при оценке юридически значимого поведения участников экономических отношений на предмет правомерности или противоправности совершенного ими деяния применение одновременно двух указанных выше методов, юридические формулы которых содержательно являются противоположенными, может привести к ложным выводам. В частности, если в процессе такой оценки применить императивный метод, субъекту правовой оценки необходимо найти разрешающие нормы и при отсутствии таковых признать поведение субъекта противоправным, что присуще отраслям публично-правового блока. В случае применения диспозитивного метода необходимо найти запрещающие нормы, при отсутствии которых поведение субъекта следует признать правомерным, что имманентно отраслям частноправового блока.

Оставаясь приверженцами деления отраслей на отрасли частного и публичного права и единственно применяемого отраслевого метода правового регулирования [10. – С. 401], мы считаем возможным констатировать тот факт, что примененный в гражданском праве Беларуси метод правового регулирования не может быть квалифицирован как диспозитивный в его классическом понимании и вместе с этим, безусловно, он не является императивным. В гражданском праве Беларуси, что с небольшими оговорками можно утверждать и в отношении гражданского права других государств – участников ЕАЭС, применен диспозитивный метод, который включает правовой механизм, значительно ограничивающий возможности субъектов гражданского права по установлению своих прав и обязанностей в рамках заключаемых договоров. Такое состояние гражданско-правового метода служит препятствием для эффективного осуществления субъектами гражданского права экономической деятельности.

Нормы гражданского права, закрепленные в ГК Беларуси, выражающие содержание гражданско-правового метода, согласно нашей точке зрения:

- не способны обеспечить необходимую степень свободы поведения субъектов экономической системы, что, безусловно, необходимо для эффективного участия в экономических отношениях;
- допускают государственно-правовое воздействие на участников частноправовых (экономических) отношений, не оправданное целями гражданско-правового регулирования, стоящими перед гражданским правом демократического государства, что можно распространить как на территорию отдельного государства, так и на территорию единого экономического пространства;
- не в состоянии обеспечить достаточную степень стабильности экономических отношений, которые, как правило, основываются на длительных правовых и экономических связях;
- в целом создают предпосылки снижения эффективности экономики.

Следовательно, гражданско-правовой метод, применяемый в Беларуси, можно охарактеризовать как диспозитивный метод с включенной в него нормативно ограниченной диспозитивностью [14. – С. 143] субъектов гражданского права, правовое положение которых определяется юридиче-

ской формулой «дозволено только то, что прямо разрешено законодательством», что по своему содержанию в большей степени тяготеет к формуле императивного метода, не устанавливающей категорические запреты, в том числе в силу применяемых способов и правовых средств защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов, закрепленных в Гражданском кодексе.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что гражданское право Беларуси с включенной в гражданско-правовой метод нормативно ограниченной диспозитивностью, сохранило некоторые черты системы гражданского права СССР, которая была направлена на поддержку административно-командного управления экономикой. Так, согласно обоснованному утверждению Шрама Ханса-Йоахима, в СССР практически отсутствовало деление права на частное и публичное, что было обусловлено приоритетом политического над частным, тотальной государственной собственностью на средства производства и централизацией всех полномочий у государства [23. – С. 87–88]. Отголоски советской системы гражданского права прослеживаются в методе гражданско-правового регулирования, который применяется в современном гражданском праве Беларуси. Это следует признать фактором, который существенно сдерживает частную предпринимательскую инициативу, препятствует развитию деловой активности граждан Республики Беларусь, что, соответственно, требует корректировки в условиях международного экономического сотрудничества.

Приведенная характеристика гражданско-правового метода Республики Беларусь, по нашему мнению, в некоторой степени присуща гражданскому праву Армении, Казахстана, Киргизии и, хотя и в несколько меньшей степени, гражданскому праву России.

Примененный в гражданском праве Беларуси метод правового регулирования, поддерживающий нормативно ограниченную диспозитивность субъектов, выражается в первую очередь через гражданско-правовые принципы, являющиеся в свою очередь основой построения системы гражданского права.

Необходимо констатировать тот факт, что некоторые ученые возражают против того, что принципы правового регулирования рассматривают в качестве «черт метода правового регулирования» [22. – С. 30]. Отдельные ученые,

наоборот, настаивают на том, что принципы гражданско-правового регулирования, характеризующие отрасль права через совокупность приемов правового воздействия на участников общественных отношений, необходимо рассматривать в качестве черты метода правового регулирования [15. – С. 26].

Вышеприведенные точки зрения нельзя признать обоснованными вследствие того, что метод правового регулирования представляет собой определенную совокупность правовых средств и приемов регулирования. При этом непосредственно к правовым средствам следует отнести нормы права, через которые, собственно, и выражаются принципы гражданско-правового регулирования, совокупность которых закреплена в отдельных статьях, которые называются «Основные началах гражданского законодательства» гражданских кодексов государств – участников ЕАЭС: в статье 2 ГК Беларуси и статье 2 ГК Казахстана; в статье 1 ГК РФ, что, по нашему мнению, оправдано с точки зрения логики размещения нормативного материала; в статье 2 ГК Киргизии «Гражданское законодательство», в которой в том числе закреплена и система источников гражданского права, а в ГК Армении – в статье 3 «Принципы гражданского законодательства».

Научный анализ правовых норм, закрепленных в названных статьях ГК государств – участников ЕАЭС, позволяет утверждать, что совокупность отраслевых принципов правового регулирования, составляющих основу гражданского права Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и России, которое является практически идентичным. Исключением являются два принципа, включенных в соответствующие статьи ГК Армении и Киргизии – принцип автономии воли и принцип имущественной самостоятельности, но отсутствующие в ГК Беларуси, Казахстана и России. При этом автономия воли субъектов гражданского права вытекает из норм пункта 2 статьи 1 ГК РФ, пункта 2 статьи 2 ГК Казахстана и части 3 статьи 2 ГК Беларуси и в дополнительном нормативном закреплении в качестве гражданско-правового принципа не нуждается.

Идентичность содержания закреплённой в ГК пяти государств совокупности принципов гражданско-правового регулирования обусловлена тем, что основой национальных ГК указанных государств является Модельный Гражданский кодекс, принятый 29 октября 1994 г. на 5-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи

государств – участников СНГ. Однако Модельный ГК выступил лишь правовой основой для разработки национальных гражданских кодексов, а это предопределило возможность изменения их содержания согласно представлениям о системе гражданского права и подходам к опосредованию экономических отношений, воспринятых законодательными органами государств, территории которых образуют единое экономическое пространство.

Наиболее значимые изменения были внесены в систему принципов белорусского гражданского права, что выразилось во включении в статью 2 ГК Беларуси трех конституционных принципов, два из которых устанавливают приоритет государственных и общественных (публичных) интересов над частными. Такой подход к гражданско-правовому регулированию, по нашему мнению, несвойственен гражданскому праву, являющемуся основной отраслью частного права демократического государства. К названным следует отнести принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности и принцип приоритета общественных интересов.

Наряду с этим, в статье 1 ГК РФ закреплены:

- принцип добросовестности участников гражданских отношений, а в статье 2 ГК Беларуси – презумпция добросовестности и разумности, которая не является гражданско-правовым принципом, что не предполагает возможность включения соответствующих норм в систему принципов, как это сделано в статье 2 ГК Беларуси.

В ГК России указанная презумпция закреплена в статье 10 «Пределы осуществления гражданских прав», в ГК Казахстана – в статье 8 «Осуществление гражданских прав», также закрепляющей требование добросовестного, разумного и справедливого поведения участников гражданских отношений. Следует отметить, что соответствующие нормы отсутствуют в ГК Беларуси. В ГК Киргизии презумпция добросовестности и разумности закреплена в статье 9 «Пределы осуществления гражданских прав». В ГК Армении отсутствует как принцип добросовестности и разумности участников гражданских отношений, так и соответствующая презумпция;

- принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, что не предусмотрено нормами ГК Беларуси, но наличествует в статье 3 ГК Армении, статье 2 ГК Казахстана и статье 2 ГК Киргизии.

При этом в статье 1 ГК РФ установлен запрет на извлечение преимуществ из своего незаконного и недобросовестного поведения, также отсутствующий в ГК Беларуси.

Таким образом, на уровне принципов гражданско-правового регулирования, которые составляют основное содержание гражданско-правового метода, белорусская система гражданского права направлена в первую очередь на поддержание публичных, а не частных интересов, не устанавливает обязанность добросовестного поведения участников экономических отношений, ни одна из анализируемых систем не поддерживает свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств в рамках государственной территории, что, по нашему мнению, является необходимым условием эффективного взаимодействия субъектов хозяйствования в пределах территории ЕАЭС, направлено на развитие и поддержание частной предпринимательской инициативы и деловой активности.

Анализируемые гражданские кодексы без исключения не содержат в системе принципов гражданско-правового регулирования принцип диспозитивности гражданских прав в его классическом понимании. При этом именно принцип диспозитивности является основой гражданско-правового (частного) регулирования систем гражданского права развитых демократий. Непосредственно указанный принцип поддерживает юридическую формулу поведения субъектов гражданского права «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено». Однако каждый из пяти анализируемых ГК содержит нормы, которые рассматриваются российскими учеными в качестве известной формулы диспозитивности, выражающей содержание принципа диспозитивности гражданско-правового регулирования [2. – С. 57]. В частности, названные нормы ГК указывают на наличие у их субъектов собственной воли как на один из признаков гражданско-правовых отношений при осуществлении прав и исполнении обязанностей, которые, согласно анализируемым нормам, субъекты реализуют в своих интересах. При этом субъекты анализируемыми нормами наделяются свободой осуществления принадлежащих им прав и обязанностей и возможностью установления на основе договора любых прав и обязанностей, но не противоречащих законодательству.

С таким подходом нельзя согласиться.

Так, в соответствии с обоснованной нами точкой зрения, закреплённая в действующих ГК государств, входящих в состав ЕАЭС, формула диспозитивности поведения участников гражданско-правовых отношений с учетом закреплённого в ней указания на необходимость соответствия условий договора, сформулированных субъектами экономической деятельности, гражданскому законодательству, в значительной степени ограничивает собственное усмотрение субъектов гражданского права и в силу этого не может рассматриваться в качестве принципа диспозитивности гражданских прав в его действительном понимании, т. е. в соответствии с содержанием анализируемого принципа, закреплённого в гражданском праве государств с развитой демократией.

В совокупности с нормами, составляющими систему гражданско-правовых принципов, нормативно ограниченная диспозитивность как черта метода правового регулирования, поддерживается некоторыми нормами, закреплёнными в ГК Беларуси (Армении, Казахстана, Киргизии, России): статья 5 ГК Беларуси (ст. 9 ГК Армении, ст. 5 ГК Казахстана, ст. 5 ГК Киргизии, ст. 6 ГК РФ); статья 7 ГК Беларуси (ст. 10 ГК Армении, ст. 7 ГК Казахстана, ст. 7 ГК Киргизии, ст. 8 ГК РФ); ст. 169 ГК Беларуси (ст. 305 ГК Армении, ст. 158 ГК Казахстана, ст. 185 ГК Киргизии, ст. 168 ГК РФ), статья 391 ГК Беларуси (420 ГК РФ) и статья 392 ГК Беларуси.

Нормы указанных выше статей ГК, в том числе, закреплённые в статье 2, устанавливают правовой статус субъектов, их правовые возможности по самостоятельному определению своих прав и обязанностей, являются основой презумпции императивности норм гражданского права, закрепляют приоритет публичных интересов гражданско-правового регулирования и, соответственно, являются правовой основой нормативно ограниченной диспозитивности, выступающей основной характеристикой метода гражданского права.

Так, в статье 2 ГК закреплён принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности и принцип приоритета общественных интересов. Нормы анализируемой статьи допускают возможность установления субъектами любых прав и обязанностей, но не противоречащих законодательству, а по сути с учетом норм статьи 169 ГК – соответствующих ему, что также закреплено в статье 7 ГК. Нормы гражданского права, закреплённые в статье 169 ГК, квалифицирующие сделки, совершенные по прави-

лам, не соответствующим законодательству, как ничтожные, и нормы статьи 7 ГК, допускающие заключение любых договоров, но не противоречащих законодательству, устанавливают презумпцию императивности гражданско-правовых норм.

Аналогичное содержание имеют нормы, закреплённые в статье 185 ГК Киргизии (в ред. Закона Киргизской Республики от 14 марта 2014 г. № 49).

В статье 391 ГК Республики Беларусь содержатся нормы, регулирующие процедуру применения формально диспозитивных норм, которые мы предлагаем из ГК исключить как нормы, ограничивающие правовую свободу субъектов.

Наряду с приведенными правовыми нормами необходимо внести изменения в статью 392 ГК Республики Беларусь, так как закреплёнными в ней нормами законодатель придает обратную силу нормативным правовым актам, вступившим в силу после заключения договора и изменяющим правила его заключения и исполнения. Закреплённые в статье 392 ГК Республики Беларусь нормы противоречат Конституции Республики Беларусь, а предусмотренный ГК Республики Беларусь подход к поддержанию стабильности (точнее – нестабильности) условий заключенного договора не свойственен ГК других государств, входящих в состав ЕАЭС.

В 2013 г. законодатель России попытался преодолеть присущую ГК презумпцию императивности норм гражданского права, изменив содержание статьи 168 ГК Российской Федерации (169 ГК Республики Беларусь), после корректировки норм которой сделка, совершенная с нарушением норм законодательства, стала по общему правилу признаваться оспоримой. Предложенный законодателем подход позволил сделку, признаваемую до изменения норм статьи 168 ГК ничтожной, т. е. недействительной с момента совершения, считать действительной до момента обращения заинтересованной стороны в суд с требованием о признании такой сделки недействительной и, соответственно, вступления решения суда в силу.

Аналогичные по смыслу изменения были внесены в статью 158 ГК Республики Казахстан (ЗРК от 27 февраля 2017 г. № 49-VI). Такое же по смыслу содержание присуще нормам, закреплённым в статье 305 ГК Армении.

Вместе с тем следует констатировать тот факт, что нормы соответствующих статей ГК Армении, Казахстана и России не создают право-

вых препятствий для недобросовестного поведения субъектов экономической деятельности, не лишают их возможности обратиться в суд с требованием о признании сделки недействительной в спекулятивных целях. Наряду с этим редакции указанных статей ГК Армении, Казахстана и России не меняют сути регулируемых нормами гражданского права общественных отношений в силу того, что и сейчас, и до внесения изменений в анализируемые статьи ГК, право на обращение в суд принадлежало и принадлежит исключительно заинтересованной стороне сделки, которая вправе оставить его не реализованным.

Исключение составляют нормы, закрепленные в пункте 3 статьи 157 ГК Казахстана, допускающие предъявление требования о признании сделки недействительной, наряду с заинтересованной стороной сделки, надлежащим государственным органом или прокурором. Такой подход противоречит существу гражданско-правового регулирования и переводит гражданско-правовые отношения в категорию публично-правовых.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации 14 марта 2014 г. принял Постановление Пленума № 16 «О свободе договора и ее пределах».

В соответствии с нормами названного постановления, как отмечает А. Р. Алимгафарова, «...стало возможным признание норм, имеющих явную атрибутику диспозитивности... императивными» [1. – С. 31]. Предложенный Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации подход не способствует стабильности гражданско-правовых отношений, что было предметом наших исследований [10. – С. 124]. Названное Постановление допускает необоснованно широкое усмотрение судов при толковании норм гражданского права, которое в случае возникновения спора о праве гражданском, вытекающем из договора, может привести к непредсказуемым для сторон на стадии заключения договора правовым последствиям. Установленный Постановлением подход лишил цивилистику как фундаментально, так и прикладного значения в части исследования норм гражданского права и их классификации, а непосредственно нормы ГК и, соответственно, гражданско-правовое регулирование – стабильности.

Заслуживает внимания верное утверждение О. А. Поротиковой, согласно которому за несколько последних лет почти все постановления Пленума ВАС РФ, а затем и Пленума Верховного

Суда РФ в области частного права необоснованно формулируют нормы, отсутствующие в законе, что выходит за пределы судебной компетенции [17. – С. 461].

Необходимо отметить, что судебное нормотворчество не соответствует закреплённому в конституциях Беларуси и России принципу разделения властей. Исключение составляет судебная система Республики Казахстан, суды которой официально наделены нормотворческой функцией, что, по нашему мнению, применительно к принципу разделения властей, неверно, но с позиции права вполне допустимо. В связи с изложенным нельзя согласиться с Н. В. Самсоновым, который утверждает, что постановления Пленума Верховного Суда, являясь актами официального толкования права, могут содержать новые нормы, рассчитанные на неопределенный круг лиц [19. – С. 158].

Следует отметить, что толкование (интерпретация) правовых норм представляет собой уяснение и разъяснение государственной воли, которая выражена в нормативных правовых актах в целях правильного и единообразного понимания содержащихся в них правовых норм и их точного применения в каждом конкретном случае [16. – С. 15], но не может рассматриваться как процесс нормотворчества. При этом в качестве задач и цели судебного толкования следует рассматривать установление действительной воли законодателя, выраженной в правовых нормах [4. – С. 74], а не в создании новых норм права.

Приведенные выше примеры попыток Российской законодательной и судебной властью преодолеть установленную в ГК презумпцию императивности гражданско-правовых норм, по нашему мнению, не достигли требуемого результата и не оказали существенного влияния на применяемый метод гражданско-правового регулирования, поддерживающий нормативно ограниченную диспозитивность (следует отметить, что в Беларуси такие попытки и вовсе не предпринимались).

В целях изменения подхода, примененного в гражданском праве, и преодоления нормативно ограниченной диспозитивности правового положения участников экономических отношений нами предлагается ряд изменений ключевых статей ГК и, в частности, новая редакция статьи 169 ГК Беларуси (ст. 305 ГК Армении, ст. 158 ГК Казахстана, ст. 185 ГК Киргизии, ст. 168 ГК РФ). Нормы указанной статьи при условии изменения

норм, закрепленных в статьях 2, 5, 7, 391 и 392 ГК Беларуси, будут основой преодоления презумпции императивности норм гражданского права и основанной на этом нормативно ограниченной диспозитивности правового положения субъектов [10. – С. 412].

При этом изменение содержания гражданско-правового метода необходимо начинать с содержания системы принципов гражданского права, совокупность которых определяет пределы гражданско-правового регулирования.

Наряду с изменениями норм, закрепленных в вышеуказанных статьях ГК Республики Беларусь, необходимо внести изменения в систему гражданско-правовых принципов путем модернизации статьи 2 ГК [10. – С. 409–411], которая в измененном виде может являться основой разработки ГК ЕАЭС.

Соответствующие нормы необходимо разместить в статье 1 ГК ЕАЭС, что обосновано логикой построения системы гражданского права.

Предложенная нами редакция норм статьи 2 ГК Беларуси должна создать условия для организации гражданского правопорядка, направленного на учет в первую очередь частных интересов, т. е. интересов отдельной личности, ее прав, свобод и достоинства. Такой подход к гражданско-правовому регулированию воспринят системами гражданского права демократических государств. Например, Гражданский кодекс Чешской Республики (§ 3) поддерживает приоритет интересов личности: частное право защищает достоинство и свободу человека и его естественное право заботиться о собственном счастье и счастье его семьи..., т. е. нормы, закрепленные в ГК Чешской Республики, в первую очередь направлены на защиту интересов отдельной личности. Том I Гражданского кодекса Французской Республики «Лица» содержит нормы, закрепляющие за гражданами Франции гражданские права (ст. 8), включая право на уважение своей частной жизни (ст. 9) и на соблюдение презумпции невиновности (ст. 91). Гражданский кодекс Федеративной Республики Бразилии построен на «...концепциях материальной этики, которая видит главным благом человеческое достоинство...» [6. – С. 238]. Модельные правила европейского частного права также направлены на защиту прав и фундаментальных свобод человека (ст. 1:102) [10. – С. 356].

Приведенные нормы свидетельствуют о том, что гражданское право демократических госу-

дарств направлено на установление приоритета прав и интересов личности над публичными интересами, что свойственно гражданскому праву, являющемуся основной отраслью частного права, основанном на диспозитивном методе правового регулирования.

Вместе с тем необходимо изменить нормы статьи 7 ГК Беларуси (ст. 10 ГК Армении, ст. 7 ГК Казахстана, ст. 7 ГК Киргизии, ст. 8 ГК России) в части указания на то, что условия договора должны соответствовать не законодательству как таковому, а непосредственно принципам (основам) гражданско-правового регулирования, закрепленным в статье 2 ГК Беларуси в новой редакции [10. – С. 411–412].

Предложенные выше изменения норм ГК Республики Беларусь направлены на создание юридически обеспеченной возможности формирования участниками экономических отношений своих договорных связей (прав и обязанностей) не только в рамках норм, имеющих диспозитивную конструкцию и допускающих изменение своего содержания по воле сторон правоотношения, но и в рамках всей системы гражданского права. Внесенные изменения в целом значительно расширяют правовые возможности участников экономических отношений и в совокупности с другими изменениями ГК преобразуют правовое положение субъектов гражданского права, подчинив его формуле «разрешено все кроме того, что прямо запрещено». Именно такой подход присущ диспозитивному методу правового регулирования, применяемому системами гражданского права демократических государств.

Вместе с нормами указанных выше статей ГК Беларуси применяемый сегодня метод гражданско-правового регулирования основан на дихотомии норм гражданского права, а именно на применении в ГК как формально диспозитивных, так и формально императивных правовых норм, что ограничивает правовые возможности субъектов непосредственно содержанием формально диспозитивных норм и только в рамках, предусмотренных применяемой диспозитивной нормой [10. – С. 125–142]. При этом применение диспозитивной нормы либо в виде, закрепленном в ГК, либо в измененном по соглашению сторон договоре, является обязательным, что получило необходимое обоснование в наших исследованиях [13. – С. 91–103].

Как изложенное выше, так и содержание указанных наших исследований, дают основание

утверждать, что диспозитивные нормы, закрепленные в ГК, ограничивают свободу выбора юридически значимого поведения субъектов и, следовательно, наряду с презумпцией императивности норм ГК, поддерживают нормативно ограниченную диспозитивность правового положения субъектов гражданского права.

В целях преодоления нормативно ограниченной диспозитивности как черты действующего гражданско-правового метода, придания ему свойств диспозитивного метода в классическом его понимании и согласно обоснованной нами редакции статьи 2 ГК Беларуси нами предлагается исключить из ГК формально диспозитивные нормы, а именно их окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон (договором) и т. п.». Предложенный подход наряду с изменением норм названных выше статей ГК Беларуси (Армении, Казахстана, Киргизии и России) позволит трансформировать действующий метод гражданского права и, соответственно, предоставить субъектам юридически обеспеченную возможность моделирования своих правоотношений в соответствии с пределами, обозначенными принципами гражданско-правового регулирования.

Таким образом, закрепив в статье 2 ГК Беларуси принцип диспозитивности (наряду с применением новой редакции ст. 7 и 169), позволяющий субъектам гражданского права моделировать свои гражданские права и обязанности в пределах, определенных нормами статьи 2 ГК, т. е. в отсутствие диспозитивных норм, изменять любую норму ГК в соответствии с содержанием конкретного экономического отношения, за исключением норм, не подлежащих изменению, мы закрепляем в ГК правовой статус субъектов, соответствующий юридической формуле «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено правовыми нормами».

При этом закрепленная в ГК презумпция императивности гражданско-правовых норм будет заменена презумпцией их диспозитивности, что позволит создать систему гражданского права, основанную на диспозитивном методе правового регулирования, присущем системам гражданского права развитых демократий.

Вместе с тем для установления приемлемого для государства гражданского правопорядка в ГК должны быть закреплены отдельные нормы, не подлежащие изменению и, следовательно, маркированные определенным образом. Однако маркировка каждой конкретной нормы в соответствующей

статье ГК приведет к увеличению нормативного материала и усложнению восприятия норм ГК, чем обусловлена необходимость включения в состав ГК Беларуси специальной статьи, например, 3-1 [10. – С. 413], в которой бы был закреплен перечень императивных норм, изменение которых по соглашению сторон не допускается.

Необходимость закрепления в ГК статьи 3-1 с соответствующим содержанием вызвана нашими предложениями об изменении содержания гражданско-правового метода посредством исключения из ГК диспозитивных норм и изменения презумпции императивности норм гражданского права на презумпцию их диспозитивности.

Кроме названных, в гражданском правопорядке непосредственно Республики Беларусь существует еще одна проблема – подчиненное место ГК Беларуси в иерархической системе источников гражданского права актам Президента Республики Беларусь, что неоднократно было предметом наших исследований [10. – С. 46–60] и не присуще правопорядкам Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Киргизии и Республики Армения.

Такой подход к построению системы гражданского законодательства лишает ГК Республики Беларусь статуса «экономической Конституции», т. е. системообразующего нормативного правового акта в сфере правового регулирования экономических отношений [11. – С. 58–65] и, соответственно, систему гражданского права – необходимой стабильности.

Приведенная особенность системы гражданского законодательства Республики Беларусь является, по нашему мнению, серьезным препятствием на пути эффективной экономической интеграции в рамках ЕАЭС, создает предпосылки для недоверия системе законодательства Беларуси со стороны субъектов экономической деятельности других государств – участников ЕАЭС и указывает на необходимость создания единого, наднационального Гражданского кодекса ЕАЭС.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Применяемый в действующем ГК Беларуси правовой метод неполностью соответствует требованиям интенсификации как национальной экономики Республики Беларусь, так и в целом экономической деятельности, осуществляемой в рамках ЕАЭС. Основой применяемого в настоящее время метода гражданско-правового регулирования выступает закрепленная в ГК Беларуси

(Армении, Казахстана, Киргизии, России) презумпция императивности гражданско-правовых норм, поддерживаемая требованием соответствия содержания правоотношений, возникающих между субъектами экономической деятельности, содержанию гражданско-правовых норм (но не принципам гражданско-правового регулирования). При этом совокупность приемов и правовых средств, составляющих содержание действующего гражданско-правового метода, характеризуется нормативно ограниченной диспозитивностью участников экономической деятельности.

Предоставленный ГК Беларуси (Армении, Казахстана, Киргизии, России) субъектам гражданского права правовой статус, не способствует развитию предпринимательской активности, деловой инициативы, сдерживает развитие экономических отношений как в рамках отдельного государства – участника ЕАЭС, так и в рамках единой экономической системы ЕАЭС.

На изменение действующего метода правового регулирования, его трансформацию в сторону диспозитивного метода правового регулирования, применяемого в условия презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм, направлен предлагаемый нами комплекс первоочередных изменений норм, закрепленных в ГК Беларуси.

Кроме того, различные условия применения норм ГК в рамках единого экономического про-

странства, не могут способствовать повышению эффективности экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС и, следовательно, требуют унификации, в процессе проведения которой можно пойти двумя путями:

1) разработать единый Гражданский кодекс ЕАЭС, имеющий приоритет над национальными ГК либо единственно применяемый на территории ЕАЭС Гражданский кодекс, что является более оправданным с точки зрения создания равных правовых условий осуществления экономической деятельности субъектам, принадлежащим юрисдикциям каждого из пяти государств-участников;

2) унифицировать в соответствующих частях национальные ГК, что будет наиболее проблематичным для Республики Беларусь, законодательство которой требует в первую очередь внесения изменений в статью 137 Конституции Беларуси, нормы которой устанавливают приоритет актов главы Белорусского государства над иными нормативными правовыми актами.

По нашему мнению, в целях оптимизации условий осуществления экономической деятельности на территории ЕАЭС наиболее оправданным следует признать разработку на базе ГК России с учетом внесенных нами предложений Единого ГК ЕАЭС.

Список литературы

1. Алимгафарова А. Р. К вопросу об императивных и диспозитивных началах в российском договорном праве // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 1. – С. 30–32.
2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статут, 2016.
3. Грушевская Ю. В. Императивность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2010.
4. Гук П. А. Судебное толкование норм права // *Журнал российского права*. – 2016. – № 8. – С. 72–78.
5. Коваленко А. Ю. Характеристика комплексной отрасли права: теория и практика // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2017. – № 2. С. 25–29.
6. Коста Лазота Л. А. Гражданский кодекс в XXI в.: бразильский взгляд // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Юридические науки*. – 2014. – № 2. – С. 230–242.
7. Маврин С. П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // *Правоведение*. – 2003. – № 1. – С. 205–216.
8. Маньковский И. А. Гражданское право в условиях региональной экономической интеграции: проблемы правового регулирования и направления развития // *Юстиция Беларуси*. – 2019. – № 9. – С. 33–37.
9. Маньковский И. А. Гражданское право Евразийского экономического союза: современное состояние и направления унификации // *Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : материалы IV Международной научно-практической конференции*, г. Краснодар, 8 июня 2019 г. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 111–118.

10. Маньковский И. А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения : монография. – Минск : Международный ун-т «МИТСО», 2017.
11. Маньковский И. А. Система гражданского права в современных условиях развития государства и общества // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2014. – № 4. – С. 58–65.
12. Маньковский И. А. Система гражданского права: современная научная интерпретация // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 2. – С. 40–43.
13. Маньковский И. А. Теоретико-прикладные проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права : монография. – Минск : Международный ун-т «МИТСО», 2015.
14. Маньковский И. А. Нормативно ограниченная диспозитивность как черта метода гражданско-правового регулирования: негативное влияние на развитие экономики и пути преодоления // Право и наука в современном мире : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Пермь, 28 февраля / отв. ред. Р. В. Новиков, А. М. Бобров. – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2018. – С. 138–145.
15. Муратова А. Р. Метод гражданско-правового регулирования: исторический аспект // Вестник науки и творчества. – 2018. – № 12. – С. 24–27.
16. Попова Л. Е. Толкование норм права и восполнение их пробелов // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 13–19.
17. Поротикина О. А. Об императивности и диспозитивности гражданско-правовых норм // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник трудов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 2–4 июня 2016 г. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2016. – С. 460–468.
18. Рыбаков В. А. О дозвольтельном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. – 2016. – № 4. – С. 86–89.
19. Самсонов Н. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 139–162.
20. Свириг Ю. А. О критериях деления права по отраслям // Современное право. – 2010. – № 10. – С. 19–21.
21. Степанов О. А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 4–23.
22. Уфимцева Е. В. Структура системы Российского права: представления современных отечественных теоретиков // Российский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 26–32.
23. Шрам Х. Й. Соотношение публично-правовых и частноправовых методов правового регулирования // Вестник института законодательства Республики Казахстан. – 2018. – № 4. – С. 84–93.